

УИЛФРЕД ТРОТТЕР

*СТАДНЫЙ ИНСТИНКТ
В МИРНОЕ ВРЕМЯ И НА ВОЙНЕ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 316.9
ББК 88.5
Т75

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *А. Андреева*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Троттер, Уилфред.

Т75 Стадный инстинкт в мирное время и на войне / Уилфред Троттер ; [перевод с английского А. Андреева]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-187969-3

Уилфред Троттер (1872–1939) — талантливый английский хирург и выдающийся социолог. Развивая идеи Гюстава Лебона, изложенные в его знаменитой книге «Психология народов и масс», он совершил настоящий прорыв в изучении группового поведения человека и способов управления толпой, которые в наши дни активно используют политтехнологи и маркетологи.

Книга Уилфреда Троттера о «стадном инстинкте» была опубликована практически сразу после окончания Первой мировой войны. Наблюдая, как правительства воюющих стран прибегали к различным формам пропаганды и убеждения в попытке побудить «массового человека» поддержать военные действия, Троттер вывел теорию о присущем человеку стадному инстинкте, следование которому зачастую противоречит трем базовым инстинктам: выживания, питания и продолжения рода. Троттер заинтересовался феноменом и попытался разобраться в механизмах психики, понуждающих человека подчиняться лидеру и мнению большинства вопреки собственным интересам.

УДК 316.9
ББК 88.5

ISBN 978-5-17-187969-3

© Перевод. А. Андреев, 2023
Школа перевода В. Баканова, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ОТ АВТОРА

Первые два эссе из этой книги были написаны около десяти лет назад и опубликованы в 1908 и 1909 годах в «*Sociological Review*». Изначально это было одно эссе, однако его опубликовали двумя частями с интервалом в полгода, значительно сократив при этом общий объем.

Позже мне сообщили, что, поскольку тираж выпусков, где были напечатаны эссе, распродан, а затронутая тема по-прежнему представляет интерес, возможна повторная публикация. Пользуясь случаем, я решил добавить в качестве комментария результаты десятилетних размышлений и попытаться применить очерченные принципы к современным событиям.

Новый комментарий вскоре превзошел по объему исходные эссе и теперь составляет почти весь текст настоящей книги, кроме относительно немногих страниц. Я упоминаю этот небольшой рекорд не потому, что он представляет интерес сам по себе, а потому что мне хочется подчеркнуть,

насколько захватывающим оказался процесс сопоставления принципов, сформулированных десять лет назад, с теми событиями, которые мы сейчас наблюдаем. И говорю об этом не для того, чтобы объявить о своем даре предвидения, — я ведь уже давно указал причины, по которым стабильность цивилизации выглядит подозрительно непрочной, — а потому что известно: атмосфера великой войны не благоприятствует свободным размышлениям. Если бы принципы, на которых базируются мои аргументы, были сформулированы в нынешние времена, у читателя имелись бы серьезные причины сомневаться в их обоснованности, какими бы правдоподобными они ни казались в условиях чрезвычайного положения в стране.

В этой книге мне хотелось бы опровергнуть мнение о психологии как о чем-то неопределенном и бесполезном и показать, что психология, особенно в связи с другими разделами биологии, способна стать проводником в актуальных жизненных вопросах и предложить такое понимание человеческого разума, которое даст нам практичный и полезный способ предсказать те или иные стороны поведения человека. Нынешнее состояние дел в обществе позволяет проверить справедливость таких предположений в условиях опасности для страны.

Если эта война с каждым днем, как очевидно, все больше бросает вызов моральному духу, то глубокое понимание природы и источников боевого духа нации может служить, по крайней мере, таким

же источником силы, как технические познания военного инженера и изготовителя пушек. Можно предположить, что главная функция крепкого морального духа — поддержание мужества и решимости в суровых военных условиях. В стране, независимости и просто существованию которой угрожает внешний враг, эти качества могут восприниматься как должное и могут сохраняться, когда общие моральные силы серьезно подорваны. Крепкий моральный дух дает нечто более труднодостижимое. Он обеспечивает энергию и предприимчивость национальной экономике, а отдельным индивидам гарантирует максимальную отдачу при минимальном вмешательстве таких эгоистических страстей, как тревога, нетерпение и недовольство. Практическая психология должна определить необходимые функции и найти средства их активировать.

Чем внимательней мы рассматриваем действия правительства в ходе войны, тем яснее становится, что каждый акт властей дает результат в двух различных сферах: во-первых, оказывает практически немедленное воздействие на врага, а во-вторых, влияет на моральный дух нации. Первая составляющая, как любое военное предприятие, обладает неопределенностью: успех или поражение невозможно предсказать; влияние второй составляющей можно определить и предвидеть, и отрицать это могут лишь люди невежественные и безразличные.

Хотя относительная важность военных и моральных факторов в различных действиях и предприятиях различна, можно указать, что моральный фактор присутствует всегда. Однако этому постоянному и, по общему признанию, важному фактору в действиях правительства уделяется внимание настолько незначительное и поверхностное, что возникает чувство, будто привычная вера в его значительность — не более, чем условность.

Применяемый мною метод откровенно умозрительный, тем не менее факты доступны всем и открыты для подтверждения или опровержения. Я пытался показать путь; я не старался призывать или убеждать в его выборе: это вне моей компетенции.

Ноябрь 1915 года.

*СТАДНЫЙ ИНСТИНКТ И ЕГО
ВЛИЯНИЕ НА ПСИХОЛОГИЮ
ЦИВИЛИЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА*

I. ВСТУПЛЕНИЕ

Очень немногие темы приводили к столь оживленной и продолжительной дискуссии, как попытка дать определение науке социологии. И, для того чтобы данное эссе нашло применение в социологии, автору необходимо уточнить, в каком смысле он использует этот термин. Назвать социологию наукой означает, разумеется, выразить точку зрения, согласно которой социология — это совокупность знаний, полученных на основе исследования своего объекта и организованных таким образом, чтобы можно было предсказывать, а если возможно, то и направлять в будущем поведение объекта. А объектом является человек в обществе, или человек ассоциированный.

Таким образом, очевидно, что социология — еще одно название психологии в самом широком смысле, то есть психологии, включающей все феномены сознания без исключений, даже самые сложные, и существенно более полезной, чем любая ортодоксальная психология, какая существует до сих пор.

Социологию, разумеется, часто описывают как социальную психологию, которая в отличие от обычной психологии имеет дело с формами ментальной активности, демонстрируемой человеком в социальных отношениях. Полагают, что общество выводит на свет особые ментальные способности, которыми обычная психология, сосредоточенная на индивидуе, не занимается. Сразу скажу, что основной тезис настоящего эссе — то, что упомянутый подход ошибочен и ведет к сравнительной бесплодности психологического метода в социологии. Две области — общественную и индивидуальную — нужно рассматривать как неразрывно связанные. Вся человеческая психология есть психология ассоциированного человека, поскольку человек в качестве одиночного животного нам неизвестен, и каждый индивид проявляет характерные реакции общественного животного, если такие существуют. Единственное отличие между этими двумя ветвями науки состоит в том, что обычная психология не претендует на практическую пользу в смысле выдвижения полезных предсказаний, а социология говорит о работе со сложными проблемами обычной жизни; а обычная жизнь в силу биологической необходимости является социальной жизнью. Таким образом, если социологию определять как психологию, то лучше называть ее не социальной, а практической или прикладной психологией.

Первым результатом полного принятия такой точки зрения станет подтверждение очевидной

сложности и необъятности задачи социологии. В самом деле, сама возможность подобной науки порой отвергается. Например, на одном из первых собраний Социологического общества профессор Карл Пирсон выразил мнение, что рождение науки социологии ожидает усилий гения-одиночки калибра Дарвина или Пастера. Позже на подобном собрании мистер Герберт Уэллс пошел дальше и заявил, что наука социология не только не существует, но существовать не может.

Такой скептицизм обычно основывается на мнении, что практическая психология в описанном смысле невозможна. Одни считают ее невозможной в силу того, что человеческая воля привносит в поведение элемент, неизбежно неизмеримый, и делает поведение человека поистине разнообразным, а следовательно, недоступным научному обобщению; другие, приверженцы детерминистской школы, полагают, что поведение человека, хоть и не демонстрирует истинного разнообразия в философском смысле и человеческая воля не является его первопричиной, представляется на деле столь сложным, что свести его к полной системе обобщений будет невозможно, пока наука в целом не добьется значительного прогресса. Любой из этих подходов на практике ведет к равному пессимизму в отношении социологии.

Наблюдаемая сложность человеческого поведения, несомненно, велика и обескураживает. Однако проблема обобщения имеет одну важную особенность, не столь очевидную на первый взгляд.

Дело в том, что в качестве наблюдателя мы постоянно зависим от мнения человека о своих поступках; что наше наблюдение о некоем действии в той или иной степени смешано со знанием, полученным от наших чувств, о том, как себе все представляет человек, совершающий это действие, и избежать воздействия этого фактора намного сложнее, чем принято считать. Любой из нас твердо убежден, что его поведение и убеждения сугубо индивидуальны, разумны и не зависят от внешних причин, и любой готов представить серию объяснений, что его поведение согласуется с этими принципами. Более того, такая же аргументация спонтанно придет на ум наблюдающим за поведением ближних со стороны.

Здесь предполагается, что ощущение невообразимой сложности и разнообразия человеческой деятельности реже, чем принято думать, возникает из прямого наблюдения, а чаще — из фактора интроспективной интерпретации, который можно назвать своего рода антропоморфизмом. Соответственно, поправка на это в человеческой психологии не менее важна, чем предпринятые в сравнительной психологии шаги, связанные с именами Бете, Беера, Иксюля и Ньюэля. Считается, что именно этот антропоморфизм в общем подходе психологов, скрывающий наблюдаемое единство в человеческом поведении, замедлил становление действительно практической психологии. Хотя объект мало исследовался с точки зрения полного

объективизма, даже сейчас возможно сформулировать обобщения, касающиеся некоторых областей человеческих убеждений и поведения. Впрочем, такое исследование не является задачей этого эссе, и данные соображения приведены, во-первых, чтобы предположить, что проблема социологии вовсе не так безнадежно сложна, как представляется, а во-вторых, чтобы оправдать применение для определенных аспектов поведения человека дедуктивного метода. Автор хотел бы уточнить: этот метод, хотя и признан опасным, если подменяет тщательное расследование, где дедуктивные процессы сведены к минимуму, все же является полезным в случаях, когда неверно интерпретируется значимость предварительно накопленных фактов или когда более точные методы не дали результата из-за отсутствия указаний, какие факты наиболее полезны для измерений. Таким образом, данное эссе станет попыткой с помощью дедуктивного рассмотрения поведения вывести некоторое руководство по применению тех методов измерения и сопоставления фактов, на которых базируется вся истинная наука.

Даже беглое рассмотрение проблемы поведения делает понятным, что искать ключ следует именно в области чувств — в самом широком смысле. Чувства связаны с инстинктом столь же очевидно и фундаментально, как связаны интеллектуальные процессы и рефлекторные действия; и в данной работе мы займемся рассмотрением инстинкта.

II. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИНКТА

Много лет назад, в знаменитой главе учебника по психологии, Уильям Джеймс проанализировал и установил, предельно тонко и точно, каким образом инстинкт предстает перед интроспективным взглядом. Джеймс показал, что импульс инстинкта выглядит настолько аксиоматически очевидным побуждением, настолько «осмысленным», что любая мысль про обсуждение его основ является глупой или порочной*.

* «Вряд ли хоть один человек из миллиарда, принимая обед, задумывается о полезности. Он ест, потому что пища вкусная, и ему хочется еще. Если спросите, почему он хочет еще того, что вкусно, он не увидит в вас философа, а посмеется над вами, как над дурачком. Связь между приятным ощущением и действием, которое оно побуждает, для него абсолютна и *selbstverstdudtich* (понятна сама по себе), она является «априорным синтезом» самого совершенного сорта, не требующим подтверждения в силу самоочевидности ... Только у метафизика могут возникнуть такие вопросы: почему мы улыбаемся, когда довольны, а не хмуримся? Почему мы не можем разговаривать с толпой так же, как с одним другом? Почему именно эта

Когда мы поймем, что инстинктивные решения осознаются в такой характерной и легко опознаваемой форме, логично тут же спросить: являются ли все решения, принимающие такую форму, инстинктивными по происхождению? Исследования, однако, показывают, что количество мнений, основанных на предположениях такого интроспективного характера, так огромно, что любой ответ, кроме отрицательного, был бы совершенно несовместим с современными представлениями о природе человеческого мышления*.

девушка кружит нам голову? Обычный человек только и скажет: “*Само собой понятно*, почему мы улыбаемся, *само собой понятно*, почему сердце начинает колотиться при виде толпы, *само собой понятно*, почему мы любим эту девушку, чья душа упакована в идеальную форму, явно и очевидно сотворенную, чтобы быть любимой” (W. James, “Principles of Psychology” vol. ii. p. 386). (*Здесь и далее примечания автора.*)

* Это интроспективное качество «априорного синтеза высшего сорта» обнаруживается, например, в предположениях, на которых строится огромное количество суждений в вопросах церкви и государства, семьи, правосудия, неподкупности, чести, чистоты, преступности и так далее. Однако мы не можем утверждать, что каждому из этих понятий соответствует конкретный инстинкт, поскольку это означало бы наличие невообразимого множества инстинктов, по большей части не имеющих никакой разумной биологической пользы. Например, очень трудно представить инстинкт, делающий человека методистом или католиком; или инстинкт, заставляющий человека считать британскую семью высшим продуктом цивилизации, однако эти позиции, несомненно, основаны на предположениях, обладающих признаками, которые Джеймс описал как принадлежащие импульсам инстинкта.